Тимур Бочаров

Антропология права по Латуру: от сетевого анализа к языку ценностей

Рецензия на книгу:
Latour B. The Making of Law: an Ethnography of the Conseil d'État. Polity, 2010

Книгой «Производство права: этнография Государственного совета» Бруно Латур удивил многих своих почитателей, менее всего ожидавших от основоположника акторно-сетевой теории (ANT) книги в жанре антропологии права. В течение четырех лет автор регулярно посещал один из высших органов власти Франции — Государственный совет (Conseil d'Etat), наблюдая судебные заседания и повседневную работу клерков. По результатам этих наблюдений получилась книга, насыщенная уникальным эмпирическим материалом, но в то же время затрагивающая и важные вопросы философии права.

Латур в этом исследовании в качестве центральной проблемы рассматривает риторические условия истины (felicity conditions), которые специфичны для правовой реальности. Поэтому в книге так много внимания уделено дискурсивным практикам, что сильно отличает эту работу от предыдущих исследований Латура в области Science and Technology Studies, где главными героями выступали

Бочаров Тимур Юрьевич — LLM, Университет Манчестера (программа в Московской высшей школе социальных и экономических наук), MA in Sociology, Европейский университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: социология права, социология повседневности, сравнительное частное право, гражданский и арбитражный процесс. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru

Timur Bocharov — LLM, University of Manchester (program at Moscow School of Social and Economic Sciences), MA in Sociology, European University at St. Petersburg. Junior researcher, Institute for the Rule of Law of the European University at Saint-Petersburg. Research interests: Sociology of Law, Sociology of Everyday Life, Comparative Private Law, Civil Procedure. E-mail: tbocharov@eu.spb.ru

материальные объекты. В этих практиках Латур не пытается найти подводные камни (выражение классовой позиции, статусной роли, партийной принадлежности и т. д.): юристы делают ровно то, что говорят. В этом он открыто противопоставляет свой подход всей критической традиции в исследованиях права, видя в качестве главного объекта для атаки прежде всего социологию права Пьера Бурдье. С точки зрения Латура, ошибочно мыслить право как репрезентацию властных отношений или иных социальных сил, лежащих за его пределами.

Ключевой характеристикой права является его *тавтологичность*: правовым является тот феномен, который в практиках юристов определяется как правовой. Как пишет Латур: «Можно болтать о науке, не будучи исследователем, но нельзя говорить о праве, не будучи юристом. Это доказывается до определенной степени безнадежными усилиями комментаторов — которых множество — определить Право: любая попытка дефиниции, какой бы грубой или утонченной она ни была, всегда заканчивается обращением к прилагательному „правовой“ для его определения. Пытаясь установить его в терминах законов, правил, санкций, власти, общего блага, монополии на насилие или Государства, необходимо каждый раз уточнять «при условии, что они юридически действительны». Для того чтобы описать право убедительно, необходимо уже впрыгнуть в него. Другим словами, неизбежная тавтология являться неотъемлемой частью определения Права» [Ibid, p. 255].

Таким образом, стратегия Латура заключалась в неотступном следовании за судьями и адвокатами в их дебатах, направленных на поиск правовой истины, не предлагая собственных описательных категорий. Как замечает Олег Хархордин, метод Латура трудно назвать классическим «включенным наблюдением», он не столько *исследует*, сколько *следит*, что подчас напомнимает полицейскую слежку [Хархордин, 2013]. Сам Латур в описываемой работе сравнивает свою исследовательскую позицию с образом «мухи на стене» [Ibid, p. 6].

Композиционно книга выстроена следующим образом: в первых трех главах Латур дает нам представление об истории возникновения Государственного совета, его организационной структуре, описывает рутинную работу клерков с делами, в четвертой главе показывается циркуляция ценностей в правых дискуссиях, так называемый «транзит права» (passage of law), в пятой главе сравниваются практики суда и научной лаборатории, в шестой заключительной главе показывается автономность права как способа установления истины.

Государственный совет является специфическим французским институтом, полные аналоги которого трудно обнаружить в других обществах. Он одновременно исполняет функции и органа испол-

нительной власти, и высшей судебной инстанции по административным спорам[1]. Дела разрешают при этом не профессиональные судьи, а чиновники этого органа — советники (counsellors), которые лишь временно принимают на себя роль судьи[2].

Другая особенность Совета состоит в опоре советников при разрешении дела не на нормативные акты (таковых мало в этой области права), а на корпус решений, накопленных за двухвековую историю. Ориентация на прецеденты роднит этот орган с судами англосаксонского права, тогда как уголовные и гражданские суды Франции продолжают придерживаться континентальной традиции (опираются не на прецеденты, а на кодексы и законы). Применение прецедента требует от судьи эксплицитной работы по установлению тождества кейсов, отражающейся в тексте решения, что создает ценный материал для анализа правового мышления. Латур этим материалом щедро делится с читателем. Мы вслед за автором погружаемся в рутину этого нетипичного учреждения, близко знакомимся с юридической терминологией, получаем представление о нюансах работы с материалами дела и сборниками прецедентов.

Однако детальное описание работы суда не являлось главной задачей, поскольку Латур, по собственному утверждению, всегда стремится с помощью этнографии решать чисто философские вопросы [Latour, 2010]. В этом исследовании его волнует сущность права: «Эта книга пытается с помощью этнографического метода ухватить философский вопрос (и вдобавок паззл социальной теории), который нельзя постигнуть философски (при условии, что это наречие имеет реальный смысл, в чем я сильно сомневаюсь): сущность права. Зная, что сущность лежит не в определении, а в ситуативных, материальных практиках, которые связывают весь ряд гетерогенных феноменов определенным специфическим образом» [Ibid, p. x].

В соответствии с этой задачей Латур анализирует механизм, который переводит события нашей обыденной жизни в регистр

1 У российского читателя здесь могут возникнуть ассоциации с делами об административных правонарушениях, но административная юстиция во Франции имеет совсем другие задачи. К ведению административных судов там относятся любые дела, в которых ответчиком выступает орган государственной власти: например, о возмещении ущерба, причиненного государством, оспаривание действий чиновника, споры в сфере избирательного права.

2 В этом свете особое значение приобретает фигура «правительственного комиссара» (commissaire du gouvernement), который глубоко разбирается в административном праве и составляет письменное заключение для советников с анализом дела. После вынесения решения эти заключения часто публикуются и могут использоваться адвокатами при подготовке правовой позиции.

правовой реальности. Во французском языке этот механизм выражается многозначным понятием «*moyen*», это и «довод», «основание», «аргумент», но также и «среднее значение», точка сопряжения между фактом и правом. Юристы часто используют это слово, когда необходимо определить, что имеет значение для правовой составляющей дела, а что останется на уровне голого факта, пусть истинного, но бесполезного. Например, достоверно известно о нарушении права, но невозможно обратиться в суд за его защитой из-за пропуска исковой давности.

В интерпретационной работе судьи и адвокаты обращаются к определенному набору «ценностных объектов» — value objects (термин Бруно Латура): авторитету участников процесса, формулировкам заявленного требования, интересу к правовой проблеме, организационному распределению дел, надлежащей процедуре и т. д. В книге детально разбираются связанные с этим дискуссии не только на публичных заседаниях, но и при обсуждении будущего решения в совещательной комнате, куда Латур также имел доступ. В конечном счете исход конкретного дела определяется конфигурацией этих ценностных объектов, а не буквой формального права или внешним социальным контекстом.

При сравнении суда с научной лабораторией, т. е. объектом его более ранних изысканий, Латур находит ряд отличий, в качестве важнейшего из которых он называет разницу в способах установления истины. В суде еще со времен римского права действует принцип «res judicata pro veritate habetur» (судебное решение надлежит считать за истину), тогда как результаты научного исследования должны постоянно пересматриваться сообществом, иначе наука просто не будет развиваться. Однако на уровне дискурса самих акторов происходит занятная инверсия: ученые склонны представлять свои результаты в форме окончательного приговора (микроорганизм *A* виновен в заболевании *B*), а юристы апеллировать к объективной истине в попытках расшатать правовые традиции (борьба за признание результатов ДНК-теста в качестве допустимого доказательства вины).

Латура такая подмена откровенно беспокоит, поскольку происходит смешение двух принципиально разных форм высказывания (forms of enunciation), что в итоге может привести к стагнации в науке и расширению зон неопределенности в праве. Если цитирование римского юриста только добавляет авторитет решению современного судьи, то ссылки в научной публикации на Галилея выглядят абсурдно. Как образно пишет об этом Латур, «наука способна переносить разрывы, но право должно быть без швов» [Ibid, p. 243].

Во всех этих размышлениях о ценностях и способах достижения истины небольшая по объему глава «Как сделать папку готовой

к использованию» о роли материальных объектов в праве выглядит чужеродной и почти необязательной. По сути, Латур в этом исследовании создает новый концептуальный аппарат, ритуальные отсылки к ANT лишь пару раз попадаются в тексте. Латур в интервью следующим образом поясняет этот поворот в своих теоретических предпочтениях: «Я просто попытался настроить стиль к новому объекту. Не так как мои дорогие коллеги из критической социологии, они всегда делают одно и то же. Каждый раз я пытался исследовать условия истинности. Это было также исследование, пришедшее к пониманию того, что это не ANT-исследование. По крайней мере то, что известно как ANT, является новым проектом, которым я сейчас заинтересован ... Извините, это немного сбивает с толку. То, что я называю исследованием различных режимов высказывания. Это исследование сильно ориентировано на режим высказывания и не столько о сетях» [Landri, Latour, 2011, p. 58].

Сравнение суда и лаборатории стало поворотной точкой для масштабного проекта Латура о модусах существования (modes of existence) человека Нового времени [Latour, 2013]. Если некогда Латур выдвинул негативный тезис о том, что Нового времени никогда не было [Латур, 2006], то в рамках этого проекта он переходит к позитивной части и пытается дать ответ на вопрос о том, а что же в итоге было. Согласно Латуру, Новое время не существовало как цельное явление, но его вполне можно анализировать как относительно автономные области: право, наука, искусство, религия, экономика и т. д. Если для описания модуса существования науки сетевой анализ был эффективным инструментом, то другим модусам он уже плохо соответствует, для их описания предпочтительнее язык «ценностей».

Среди всех модусов существования право занимает, по Латуру, особое место, в некотором роде это образцовый модус, поскольку замкнутость и тавтологичность права позволяют ему наиболее успешным образом сопротивляться гегемонии Двойного щелчка (Double Click). В понятии Двойного щелчка (по аналогии с нажатием кнопки компьютерной мыши, посредством которого современный человек пытается получить ответы на все вопросы) выразились те опасения по поводу разрушения границ разных форм достижения истины, которые Латур обозначил уже в своем исследовании по антропологии права. Двойной щелчок, этот Злокозненный гений по образному выражению Латура, искушает нас перспективой слияния всех режимов истины к одной унифицированной модели, но этот эпистемологический абсолютизм приводит лишь к полной утрате какой-либо возможности говорения об истине, делая «различия между истиной и ложью иррациональными и произвольными» [Latour, 2013, p. 94].

Библиография

Латур Б. (2006) *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*, СПб: Изд-во ЕУСПб.

Хархордин О. (2013). Предисловие к книге: Латур Б. *Наука в действии, следуя за учеными и инженерами внутри общества.* СПб: Изд-во ЕУСПБ.

Landri P., Latour B. (2011). Introducing «La fabrique du droit». A Conversation with Bruno Latour. *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*, 2 (2): 55–68.

Latour B. (2010) Coming out as a philosopher. *Social Studies of Science*, 40 (4): 599–608.

Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence*. N. Y.: Harvard University Press.

References

Kharkhordin O. (2013) Predislovie [Foreword]. B. Latur *Nauka v deistvii: sleduia za uchenymi i inzhenerami vnutri obshchestva* [Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers through Society], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. SPb: 7–20.

Landri P., Latour B. (2011). Introducing «La fabrique du droit» A Conversation with Bruno Latour. *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*, 2 (2): 55–68.

Latour B. (2010). Coming out as a philosopher. *Social Studies of Science*, 40 (4): 599–608.

Latour B. (2013). *An inquiry into modes of existence*. Harvard University Press.

Latour B. (2008) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern. Essays in Symmetrical Anthropology], SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S.-Peterburge.